

И. А. Кузьмина

**О БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОМ ВЕЧЕРЕ,
УСТРОЕННОМ ФЕТОМ В ПОЛЬЗУ ГОЛОДАЮЩИХ
(март 1868 года)**

В июне 1867 года Фет был избран мировым судьей по месту проживания в южной части Мценского уезда и уже с декабря приступил к своим обязанностям. Он взялся за дело с энтузиазмом и успешно справлялся с обрушившейся на него лавиной дел. Но тут пришла большая беда, к которой новоиспеченный судья не мог остаться равнодушным.

Еще в апреле 1867 года И. П. Борисов, владевший именьями под Мценском, писал своему другу и родственнику Фету: «А кажется, предстоит голод — в Фатьяновой вся озимь пропала, здесь наполовину».¹ Борисов оказался провидцем: к концу исключительно неурожайного 1867 года во многих губерниях России, включая Орловскую, действительно разразился голод. В печати появились тревожные сообщения. Вот, например, что писал из Тамбовской губернии корреспондент газеты «Голос»: «Я видел сейчас ужасную картину — шел целый обоз голодных: ни им, ни их семьям от полнейшего неурожая есть нечего... Это были наши соседи — орловцы; вчера, говорят, прошла такая же партия туляков... Из некоторых изб выносили ломти хлеба, крестились и подавали им. Я нагнал обоз при въезде в село (Кочетовка, Липецкого уезда) и проследил за ним до выезда. Из сорока трех дворов, составляющих село, могли поделиться только одиннадцать, в остальных тридцати двух хлеба не хватит и самим до весны...».²

---

¹ *ИРЛИ*. № 20272. Л. 127. См. также нашу публикацию в наст. томе: Письма И. П. Борисова и П. И. Борисова к А. А. Фету и М. П. Фет. Ч. 3: 1866–1868. С. 457–550. Далее: *Письма Борисова*. Ч. 3.

² *Голос*. 1868. 10 января. № 10. С. 1.

Фет, живший в сельской местности, знал о том, что происходит, не из газет, а по собственному опыту. «Чем ближе подходила зима, — вспоминал он о той поре на склоне лет, — тем очевиднее становилось общественное бедствие, которого с весны должен был ожидать всякий зрячий. <...> Как диковины набрали мы по пути до Мценска крестьянского печеного хлеба, более похожего на засохшие комки чернозема, чем на что-либо иное: там была и мякина, и главным образом лебеда <...> при виде такого хлеба я подумал, что, прежде чем судить людей, надо при малейшей к тому возможности накормить их, хотя бы только в пределах своего участка, помогая наиболее нуждающимся».³

25 января 1868 года «Московские ведомости», со ссылкой на статью князя В. П. Мещерского в «Русском инвалиде», сообщили о предстоящем открытии под председательством наследника престола «центрального комитета для собирания и распределения пособий в пользу местностей, терпящих от голода». При этом отмечалось, что великая княгиня цесаревна «принимает на себя заботу о сборе пожертвований, которые центральный комитет будет распределять».⁴ В следующем номере «Московских ведомостей», от 26 января, был напечатан высочайший рескрипт, согласно которому наследник престола ставился во главе временной комиссии, созданной в целях помощи голодающим.⁵

Видимо, сообщения о принятых верховной властью мерах подтолкнули Фета к действию. Во всяком случае именно после ознакомления с номерами газеты от 25 и 26 января поэт отправил М. Н. Каткову для публикации в «Московских ведомостях» письмо, где, описав ужасные последствия неурожая, представил свой план помощи окрестным крестьянам. Письмо это пока не обнаружено,⁶ поэтому цитируем ниже его печатный вариант, опубликованный под названием «Письмо к издателям» за подписью «Мировой судья Мценского уезда третьего участка А. Фет».

В начале своего обращения к издателям «Московских ведомостей» поэт подчеркнул нравственные достоинства земляков, в частности их «упорное трудолюбие»: «Как уроженец и постоянный около десяти лет житель Мценского уезда, я невольно присмотрелся к качествам нашего крестьянина и могу с полным убеждением сказать, что скромность, терпением, сравнительною воздержностью, упорным трудолюби-

³ МВ. Ч. 2. С. 169–170.

⁴ МВед. 1868. 25 января. № 19. С. 1.

⁵ Там же. 26 января. № 20. С. 1.

⁶ В сохранившемся черновике письма Фет обращался лично к Каткову: «Душевноуважаемый Михаил Никифорович, / Неослабно ревностное служение Ваше русскому делу — дает мне уверенность, что Вы протянете мне руку помощи, поместив в Вашей газете следующие строки (Далее следует текст, близкий к опубликованному. — И. К.)» (РГБ. Ф. 315. К. 3. № 21. Л. 1).

ем и чувством законности он не уступит никому из обитателей нашего необъятного отечества. Достаточно указать на то, что наша местность, несмотря на почву, требующую самой тщательной обработки, спорит производительностью с местностями девственных почв».⁷

Однако «гнилая зима» 1866/1867 года уничтожила озимые посевы, лишив крестьян урожая. Фет, в качестве мирового судьи, был «осужден на непрестанное созерцание невыразимого народного бедствия»: «Я старался делать для ближайших страдальцев, что мог. Но что в силах сделать средства небогатого частного лица в минуту всеобщего бедствия? Еще вчера люди, заявлявшие мне, что хлеб их из небольшого количества лебеды и мякины кончается и что в нетопленной избе их ожидают напрасные крики: „хлеба, хлеба!“ — пошли от меня, выслушав грустное объяснение, что я более ничего не могу сделать».⁸

«Но так ли это?» — вопрошает Фет и продолжает: «В № 20 „Московских ведомостей“ объявлено об открытии особого комитета по ходатайству Государыни Цесаревны. Умиравшие с голоду везде одинаково несчастны, и прибегать к помощи комитета значит одному голодному вырывать кусок насущного хлеба из рук другого. Благословляя наравне с миллионами Августейшую Благотворительницу, я решаюсь в тесном пределе мирового участка сделать от меня лично зависящее для подобной же цели».⁹

Основная часть плана Фета состояла в следующем: «На второй неделе великого поста я намерен открыть в Москве литературные чтения. Я уверен с одной стороны, что гг. литераторы с радостью готовы будут украсить мои чтения своим участием, — а с другой, что в Москве непременно найдется общественное здание, которое днем (без освещения) предложит мне залу безмездно. Таким образом каждая копейка сбора дойдет до назначения. Обязательная цена билету рубль. Если мой опыт увенчается успехом, в чем мне горько было бы сомневаться, я повторю мое чтение на той же неделе в Петербурге».¹⁰

Отметив затем, что в отличие от других губерний в Орловской губернии для крестьян зимой заработков нет и взять ссуду им негде, автор заявил о желании пустить в ход не только благотворительную, но и коммерческую сторону дела: «Я говорю собственно о крестьянах третьего участка Мценского уезда и утверждаю, что они не нищие, которым нужно дарить деньги, а несчастные, которых необходимо временно выручить из неминуемой гибели. Поэтому независимо от чте-

⁷ Фет А. Письмо к издателям // *МВед.* 1868. 13 февраля. № 32. С. 3.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Употребленное Фетом устаревшее слово «безмездно» — то же, что «безвозмездно».

ний <...> я намерен ходатайствовать о разрешении принимать от вкладчиков на десять годовых процентов деньги, которые будут мною раздаваться под расписки волостей и которые, в качестве мирового судьи, обязуюсь возратить если не в течение одного, то в течение двух лет с причитающимися процентами».¹¹

В заключение Фет объяснил, как он собирался распорядиться полученными средствами: «Капитал, собранный от чтений, по возвращении после двух лет от заемщиков я желал бы превратить в постоянный ссудный капитал третьего участка. Нечего и говорить, что некоторым придется выдать пособие безмездно».¹²

Итак, предположительно в конце января (ни в черновике, ни в опубликованном варианте текста дата не проставлена) Фет послал письмо к Каткову с обещанием устроить в Москве литературные чтения «на второй неделе великого поста», то есть 19–25 февраля. Что же было дальше? 12 февраля в Мценске состоялось заседание мирового съезда, на котором все мировые судьи уезда были обязаны присутствовать. Фет воспользовался пребыванием в уездном городе, чтобы хлопотать о помощи для крестьян своего участка, и хлопоты эти увенчались успехом: из казны была получена тысяча рублей.¹³ Там же, в Мценске, он пишет второе письмо к Каткову, о содержании которого будет сказано ниже. Затем возвращается в Степановку, откуда 14 февраля пишет губернатору М. Н. Лонгинову, выражая «полную готовность» участвовать в благотворительном чтении в Орле: «Кроме понедельников и вторников, я могу быть всегда в полном распоряжении Вашем и поэтому буду ждать вызова в Орел — по моему всегдашнему адресу на станцию Алисово».¹⁴

А как же чтения в Москве? В письме к В. П. Боткину от 19 февраля Фет подробно обрисовал сложившуюся ситуацию: «Действительно отчаянное положение местных крестьян довело меня до самых тяжелых минут. — Я подумал, неужели в России нет людей, а все пни, мертвые для всего человеческого. Неужели не все равно: умирают ли дети и взрослые под покровительством комитета или вне оного? После таких соображений я думал ехать в Москву, взять из думы шнуговую книгу и ехать лично развозить богачам билеты на чтения, полагая, что если я раздал более 100 руб. голодным, то что стоит богачу дать 10 р.»¹⁵

¹¹ Фет А. Письмо к издателям. С. 3. Эта часть плана Фета не была осуществлена.

¹² Там же.

¹³ Об этом сообщается в письме М. П. Фет к В. П. Боткину от 16 марта 1868 г. (см. ниже).

¹⁴ ИРЛИ. № 23000. Л. 9. См. также: Фет/Лонгинов. С. 228–229. По всей видимости, эти чтения не состоялись (Там же. С. 229, примеч. 2).

¹⁵ См.: Фет/Боткин. С. 512.

Далее Фет указывает на немалые трудности, которые ему предстояло преодолеть: «Я не могу — по должности, кататься по свету. Я хотел все приготовить объявлениями — прибежать — устроить чтения и уехать. Это первое. Второе — я целых уже 2 м<еся>ца поражен геморроем, до такой степени, что не знаю, как бы я и доехал до Москвы — по теперешней дороге и на еле живых почтовых лошадях? Но я подумал — для такого дела можно и здоровьем рискнуть. — И вдруг письмо от Борисова, в котором он мне пишет из Москвы, что там сборы в пользу голодных до того надоели, что никто, хоть на словах, не верит в голод — и Толстой (это на него похоже), на которого я рассчитывал, тоже не верит в голод. <...> Тем не менее я из Мценска писал Каткову, чтобы в случае его надежды на успех он написал мне — и я все-таки больной приеду».¹⁶

Борисов находился в Москве со 2 февраля. Его злополучное письмо, едва не заставившее Фета опустить руки, не сохранилось. Очевидно, оно было написано в начале месяца, ведь поэт успел получить его до отъезда в Мценск. Позднее Борисов вновь затронул ту же тему. «Виделся с Марьей Никол<аевной> Толстой, — писал он 15 февраля, обращаясь к М. П. Фет. — Она Вас вспоминала и кланяется Вам. Живут они развеселой компанией. — Здесь и Сергей Толстой, и вчера должен был приех<ать> Лев Ник<олаевич> со всеми своими месяца на два. Про голод здесь никто и верить не хочет и говорят, что шум об этом поднят западными приятелями нашими, чтобы отвлечь правительс<тво> от военных затей <...>». И несколькими строчками выше: «Думаю скорей, что план его (Фета. — И. К.) поездки налетел на него под влиянием того, что полагал Вас в Москве, а тут голод и скука двинули его проветриться и помочь голоду. Объявления его я уже не мог

¹⁶ Там же. Толстой приехал в Москву только 14 февраля (*Толстой. Летопись (1828—1890)*. С. 346), поэтому о том, что он «не верит в голод», Борисов мог слышать не от него самого, а от его родни, брата Сергея Николаевича и сестры Марии Николаевны. О своеобразном отношении Толстого к хлопотам Фета сохранилось свидетельство в воспоминаниях последнего: «Когда я наконец объявил ему, что решил устроить литературное чтение в пользу голодающих своего участка, он иронически отнесся к моей затее и уверял, что я создал во Мценском уезде голод» (*МВ*. Ч. 2. С. 170). Самому Толстому Фет писал 22 марта 1868 г.: «Все это время сужу и раздаю собственные деньги *несуществующим голодным*» (*Толстой. Переписка*. Т. 1. С. 388). Тем не менее Толстой, как следует из текста «Заявления», напечатанного 28 февраля в «Московских ведомостях», согласился принять участие в благотворительных чтениях, однако уговорить его самого читать Фету не удалось. В ответ на уговоры Толстой, как вспоминал позднее Фет, «любезно предложил мне еще бывшую только в корректуре пятую главу второй части изумительно-го описания отступления войск от Смоленска по страшной засухе» (*МВ*. Ч. 2. С. 171). Письмо к Каткову из Мценска, упомянутое Фетом, неизвестно.

более задержать — напечатано в 32 № „М<осковских> в<едомостей>“. Телеграммы отказа не было из Мценска, поэтому рассчитываю, что он будет сюда. Жду сегодня». ¹⁷ Удивительно, но ближайший друг совершенно не понял Фета, полагая, что помощь голодающим — не более чем предлог, чтобы развеять скуку.

Как видно из цитированных выше текстов, Фет под влиянием вестей от Борисова усомнился в осуществимости задуманного и, не зная на что решиться, просил его задержать публикацию своего объявления. Тем не менее оно вышло в свет 13 февраля. В передовой статье того же номера, посвященной мерам по борьбе с голодом в подмосковных губерниях, Смоленской, Тверской и Орловской, Катков сослался на помещенное на другой странице «Письмо к издателям», согласившись с его автором: «Г-н Фет, говоря о бедственном положении некоторых крестьян третьего участка Мценского уезда, замечает, что эти крестьяне не нищие, что они нуждаются не в подаении, а в ссуде, и что их затруднения происходят главным образом от совершенного отсутствия местных заработков. Это указание заслуживает особенного внимания. Благотворительность должна приходить на помощь в исключительных случаях. Как мера общая она бессильна. Она может спасти от голодной смерти <...>. Но продовольствовать целые губернии нельзя посредством одной благотворительности». ¹⁸

20 февраля не дождавшийся в Москве Фета Борисов писал ему из своего имения Новоселки: «Афоня, ты не посылай никакого *объяснения* в печать, этим только поднимешь снохачей, а для Каткова, если хочешь — свали вину на меня, что не *передал* ему твоего поручения. — Но можно ли подобным образом кувыряться, вот уж за это надо тебя бить и приговаривать: не *спеши*, не суетись». ¹⁹ Однако Фет уже принял решение ехать в Москву. Большую часть пути пришлось преодолеть на лошадях, поскольку поезда ходили только от Тулы. Путешествие по морозу не прошло для него даром. «С великим трудом пишу эти строки. Я простудился дорогой и сижу с моим треклятым геморроем в №, — жаловался он в письме к В. П. Боткину вскоре после приезда. — На этой неделе буду читать, но в какой день, еще не знаю. Собрать все это ад. Так что не далее как вчера я каялся, что больной взялся за такое тяжелое дело: всех разыскать, уговорить, выхлопотать разрешения полиции и попечителя, достать помещение». ²⁰

¹⁷ ИРЛИ. № 20309. Л. 2 об., 2. См. также: *Письма Борисова*. Ч. 3. С. 514, 512.

¹⁸ МВед. 1868. 13 февраля. № 32. С. 2.

¹⁹ ИРЛИ. № 20272. Л. 138 об.—139. См. также: *Письма Борисова*. Ч. 3. С. 517.

²⁰ *Фет/Боткин*. С. 515. Письмо не датировано, оно могло быть написано 26 или 27 февраля, т. е. до того, как Фет отдал в печать объявление о назначенном на 1 марта литературно-музыкальном вечере (см. ниже).

А. Ф. Писемский. Фотография М. Б. Тулинова.
Петербург, 1860 — до середины 1861 г.

28 февраля в «Московских ведомостях» появилось второе объявление Фета; оно никогда не перепечатывалось, поэтому воспроизводим его в полном объеме:

ЗАЯВЛЕНИЕ

При всеобщем в настоящее время сочувствии к страждущим от неурожая, устраиваются не только в столицах, но и в губерниях всевозможные публичные собрания с благотворительною целью, концерты, чтения и т. п. Рассчитывать при таких условиях, даже с привлекательнейшею программой чтения, на успех подобного предприятия в пользу

одного мирового участка значит слепо верить в ту чуткую, благородно-нежную струну в душе русского человека, которая каждый раз симпатически отзывается на голод настоящей нужды. Только слепая вера, что дающая рука русского человека не оскудевает, привела меня больного в Москву, на чтение в пользу голодных. Эта вера не обманула меня. До сих пор, куда я ни стучался и ни обращался, меня встречало самое братское сочувствие, самая трогательная готовность помочь. Не успев по случаю двух праздничных дней устроиться с официальными условиями публичного чтения, я лишен, в настоящую минуту, возможности напечатать подробную программу чтения, которая в скором времени будет объявлена. Тем не менее спешу принести мою душевную признательность Е. Н. Васильевой,²¹ гг. Островскому, Садовскому,²² Живокини,²³ гр. Л. Н. Толстому, кн. Кугушеву²⁴ и А. Ф. Писемскому,²⁵ обещавшим мне свое содействие.

Рассчитывая на возможность получить большую залу, я в первом заявлении упомянул о рублевой цене билету. Увы! большой залы я не получил, но мне обещана зала Артистического кружка и уже приходилось слышать, что я напрасно объявил рублевую, а не двухрублевую цену билету. Изменять в настоящее время объявленную цену я не имею права. Но зачем не называть вещей их собственными именами? И действующие, и сочувствующие лица слишком хорошо понимают, что чтение, в этом случае, просто предлог к благотворению. Поэтому я буду лично продавать билеты у входа в залу и убежден, что публика не заставит голодающих поплатиться за мою неосмотрительную обмолвку.

В этой надежде меня поддерживает следующее обстоятельство. Не успев еще нигде заявить о подробностях чтения, я уже получил взносы от следующих лиц, которым и приношу мою живейшую признательность, во имя нуждающихся.

Внесли: Неизвестный 25 р., С. П. Оконишников²⁶ 25 р., И. В. Щукин²⁷ 25 р., И. М. Ушаков²⁸ 25 р., С. А. Шилов²⁹ 25 р., Н. П. Боткин³⁰ 25 р.,

²¹ *Васильева* Екатерина Николаевна (урожд. Лаврова; 1829—1877), актриса Малого театра.

²² *Садовский* Пров Михайлович (наст. фамилия Ермилов; 1818—1872), актер Малого театра; считался выдающимся исполнителем ролей в пьесах Островского.

²³ *Живокини* Василий Игнатьевич (1805—1874), знаменитый комик-буфф Малого театра.

²⁴ *Кугушев* Григорий Васильевич, князь (1824—1871), прозаик, драматург, поэт. Выступал на сцене Артистического кружка как чтец и актер-любитель (в комических ролях).

²⁵ *Писемский* Алексей Феофилактович (1821—1881), писатель и драматург; выступал в Артистическом кружке с чтением своих произведений и был известен как превосходный чтец.

²⁶ *Оконишников* Сергей Петрович (ок. 1826—1901), сын купца 2-й гильдии, впоследствии один из крупнейших оптовых торговцев-скупщиков мануфактурных товаров (Справочная книга о купцах, получивших на 1871 год купеческие

П. К. Шапошников³¹ 10 р., С. Д. Ширияев³² 50 р., П. П. Боткин³³ 175 р., Н. К. Боткина³⁴ 25 р., О. Н. Гер³⁵ 3 р., Д. П. Боткин³⁶ 100 р., С. С. Боткина³⁷ 50 р., В. С. Мазурина³⁸ 50 р., Н. Н. 50 р., неизвестный 5 р., И. Боткин 10 р.

свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве. М., 1871. С. 214. Далее: *Справочная книга о купцах*, с указанием страницы; *Калинкина Г. В.* Оконешников П. С. // Большая Российская энциклопедия. М., 2014. Т. 24. С. 33–34).

²⁷ *Щукин* Иван Васильевич (1817–1890), потомственный почетный гражданин, купец 1-й гильдии; вел торговлю мануфактурным товаром. Был женат на Екатерине Петровне Боткиной, сестре М. П. Фет.

²⁸ *Ушаков* Иван Михайлович (1824–1883), ейский 1-й гильдии купец, вел торговлю шерстяным товаром; с 1863 г. заседатель от иногороднего купечества в московской Купеческой управе (*Справочная книга о купцах*. С. 55).

²⁹ Вероятно, *Шилов* Сергей Александрович (р. ок. 1832), потомственный почетный гражданин, купец 1-й гильдии, владелец торговой фирмы «А. Шилов и сын» (Московская памятная книга и адрес-календарь жителей Москвы на 1869 г. М., 1869. С. 599; *Найденов Н. А.* Материалы для истории московского купечества: В 9 т. М., 1889. Т. 9. С. 269. Далее: *Найденов*, с указанием года, тома и страницы).

³⁰ *Боткин* Николай Петрович (1813–1869), брат М. П. Фет. Большую часть жизни провел за границей, был шафером на свадьбе Фета.

³¹ *Шапошников* Павел Кондратьевич (р. ок. 1829), потомственный почетный гражданин; вел торговлю рыбой; в 1865–1867 гг. товарищ гильдейского старосты в Купеческой управе (*Справочная книга о купцах*. С. 58; *Найденов*. 1888. Т. 7. С. 15; Там же. 1889. Т. 8. С. 291). Брат жены П. П. Боткина Надежды Кондратьевны.

³² *Ширияев* Сергей Дмитриевич (1811–1891), потомственный почетный гражданин, купец 1-й гильдии; вел торговлю мануфактурным и бумажным товаром; в 1859–1861 гг. московский городской голова (*Справочная книга о купцах*. С. 59).

³³ *Боткин* Петр Петрович (1831–1907), брат М. П. Фет. Совместно с братом Дмитрием владел чаеоторговой фирмой «Петра Боткина сыновья».

³⁴ *Боткина* Надежда Кондратьевна (урожд. Шапошникова; 1830–1908), жена П. П. Боткина.

³⁵ *Гер* (Геер) Осип Николаевич (1807–1876), купец 2-й гильдии, владелец водочного завода. Был женат на родственнице М. П. Фет Наталье Петровне Постниковой.

³⁶ *Боткин* Дмитрий Петрович (1820–1889), брат М. П. Фет. Совладелец чаеоторговой фирмы (см. примеч. 33). Известен как коллекционер произведений живописи, активный деятель московского Общества любителей художеств. Феты были особенно дружны с Дмитрием Петровичем и его женой.

³⁷ *Боткина* Софья Сергеевна (1840–1889), жена Д. П. Боткина. Внучка московского городского головы, дочь основателя Реутовской мануфактуры Сергея Алексеевича Мазурина (1802–1850). Все братья и одна из сестер С. С. Боткиной также внесли пожертвования для голодающих Мценского уезда (см. примеч. 38, 54–56, 58).

³⁸ *Мазурина* Варвара Сергеевна (1848 – после 1893), сестра С. С. Боткиной. Около 1869 г. вышла замуж за Алексея Яковлевича Прохорова.

Е. Н. Васильева

Итак, в Москве, несмотря на самые, по-видимому, неблагоприятные условия для подобного частного предприятия, я могу рассчитывать на известный успех дела. Нет причин предполагать меньшего успеха такого же чтения в Петербурге, но крайнее нездоровье и кратковременность отпуска вынуждают меня отказаться от поездки в Петербург.

Встречая ежедневно на страницах «Московских ведомостей» списки жертвователей в пользу тех или других нуждающихся, я не имею права предполагать, чтобы в России не нашлось жертвователей в пользу третьего участка Мценского уезда, которых прошу обращать свои приношения в редакцию «Московских ведомостей».

Не желаю давать повод какому-либо жертвователю упрекнуть меня пословицей: *Дитя не плачет, мать не разумеет*. Всякий, даже не слышавший от роду, как горько плачет дитя, которому мать вчера выкопала из золы последний кусок печеной лебеды с мякиной, поймет, что за новым куском хлеба этому дитяти не стыдно протянуть руку всюду, куда просящая рука может достигнуть.

А. Фет.³⁹

Упомянутые Фетом праздничные дни, позволяющие уточнить дату его приезда, — это 25 февраля, воскресенье, и 26 февраля, день рождения наследника престола. В списке лиц, которых Фет благодарит за помощь, назван Лев Толстой. Фет вспоминал, как навестил в Москве Толстого, проживавшего тогда «на Кисловке»: «Было воскресенье, и у Толстых я, к изумлению и удовольствию своему, нашел Петю Борисова, которого с дозволения Ивана Петровича, графиня брала по воскресеньям к своим детям».⁴⁰ Должно быть, из-за присутствия Пети, который мог отлучаться из Петропавловского училища только по выходным, Фет и запомнил, в какой именно день недели он виделся с Толстым. Это произошло 25 февраля.

О том, как ему удалось добыть помещение Артистического кружка, Фет также рассказал в своих мемуарах: «...я отправился вечером в артистический клуб и там обратился к известной Васильевой, с которой когда-то познакомился в Карлсбаде, куда она возила больного мужа. Принявши самое живое во мне участие, она, по кратком совещании со старшинами, объявила мне, что клуб в назначенный мною вечер отдает в мое распоряжение свое помещение с освещением и прислугой».⁴¹

За время своего существования Московский артистический кружок, имевший функции клуба, частного театра и общества по оказанию помощи нуждающимся актерам, трижды менял адрес. С мая 1867 по сентябрь 1869 года кружок собирался на территории гостиницы, принадлежавшей купцу второй гильдии Жюлю Журналло, в доме М. Н. Мазуриной на Большой Лубянке (ныне на этом месте дом № 18).⁴² Журналло предоставил кружку 8 комнат, зал и столовую. Зал был невелик, хотя и «гораздо больше» зала по прежнему адресу круж-

---

³⁹ *МВед.* 1868. 28 февраля. № 43. С. 4.

⁴⁰ *МВ.* Ч. 2. С. 170. Свидетельство Фета вполне правдоподобно: известно, что Петя бывал у Толстых, это видно, например, из его письма к отцу от 11 апреля 1868 г. (см.: *Письма Борисова.* Ч. 3. С. 525, примеч. 5 к письму 107).

⁴¹ *МВ.* Ч. 2. С. 171.

⁴² *Сорокин В.* Памятные места Большой и Малой Лубянки // Наука и жизнь. 1995. № 12. С. 138–139.

Въ пятницу, 1-го марта сего года,
ВЪ ЗАЛѢ АРТИСТИЧЕСКАГО КРУЖКА
имѣетъ быть
ЛИТЕРАТУРНО - МУЗЫКАЛЬНЫЙ
ВЕЧЕРЪ

въ пользу голодающихъ Мценскаго
уѣзда 3-го участка.

О т д ѣ л е н і е I.

1. Соло на фортепіано исполнить г-жа Устинова.
2. Главу изъ романа „Война и Миръ“, соч. графа Л. Н. Толстаго, будетъ читать князь Кугушевъ.
3. „Разлука“, соч. Гурилева, и „Пряха“, соч. Момюшки, будетъ пѣть г. Д.....ъ.
4. Последнее дѣйствіе драматической хроники „Василиса Мелентьева“, соч. А. Н. Островскаго, будетъ читать г. Островскій.
5. Изъ соч. Гоголя будетъ читать г-жа В.....а.

О т д ѣ л е н і е II.

6. Соло на скрипкѣ исполнить г. Герберъ.
7. Сцены изъ комедіи „Ипохондрикъ“, соч. Писемскаго, будетъ читать г. Писемскій.
8. Чтеніе г. Ж.....и.
9. „Чуютъ правду“, соч. Гляки.
10. „Германъ и Доротея“, соч. Гёте, 1-я пѣсня, будетъ читать г. Фетъ.
11. Чтеніе г. С.....а.

Цѣна билета 1 руб. сер.

Начало въ 8 часовъ вечера.

1.656.

Программа несостоявшегося литературно-музыкального вечера,
назначенного на 1 марта 1868 г.
(МВед. 29 февраля. № 44)

ка, в доме И. Пукалова на Тверском бульваре, где могло поместиться не более двухсот человек.⁴³

29 февраля «Московские ведомости» опубликовали программу назначенного на 1 марта литературно-музыкального вечера в пользу го-

⁴³ Россиев П. А. Артистический кружок в Москве (1865—1883) // ИВ. 1912. № 5. С. 492.

лодающих Мценского уезда.⁴⁴ Однако «по независящим от участвующих в нем» обстоятельствам вечер был перенесен на 7 марта,⁴⁵ а программа его по сравнению с предыдущей была сокращена: заявленные в первом отделении драматург А. Н. Островский, а во втором — комедийный актер В. И. Живокини⁴⁶ в объявлении, опубликованном 6 марта, отсутствуют. В итоге афиша приобрела следующий вид:

В четверг, 7-го марта,
В ЗАЛЕ АРТИСТИЧЕСКОГО КРУЖКА
имеет быть
ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВЕЧЕР
в пользу пострадавших от неурожая
Мценского уезда 3-го участка

Отделение I

1. Соло на фортепиано исполнит г-жа *Устинова*.
2. Главу из романа «Война и мир», соч. графа Л. Н. Толстого, будет читать князь *Кугушев*.
3. «Разлуку», соч. Гурилева, и «Пряху», соч. Монюшки, будет петь г. Д...ь.
4. Из соч. Гоголя будет читать г-жа *В...а*.

Отделение II

5. Соло на скрипке исполнит г. *Гербер*.⁴⁷
6. Сцены из комедии «Ипохондрик», соч. Писемского, будет читать г. *Писемский*.
7. «Чуют правду», соч. Глинки, будет петь г. Д...ь.
8. «Герман и Доротея», соч. Гёте, первая песня, будет читать г. *Фет*.
9. Чтение г. *С...й*.

Цена билету 1 руб. сер.
Начало в 8 часов вечера.⁴⁸

Фет вспоминал: «Как наиболее подходящее к сбору в пользу голодающих я прочел перевод первой главы „Германа и Доротеи“ об участии к нуждам переселенцев. Садовский и Васильева с живительным мастерством прочли: первый Чичикова у Бетрищева, а вторая — при-

---

⁴⁴ *МВед.* 1868. 29 февраля. № 44. С. 1.

⁴⁵ Объявление Фета о том, что литературно-музыкальный вечер откладывается, опубликовано 1 марта: Там же. 1 марта. № 45. С. 2.

⁴⁶ В программе 8-м пунктом значилось: «Чтение г. Ж...и».

⁴⁷ *Гербер* Юлий Густавович (1831—1883), скрипач, альтист, дирижер и композитор. В 1845 г. поступил скрипачом в оркестр Большого театра, с 1868 г. солист; в 1869—1882 гг. дирижер балета и композитор балетной музыки.

⁴⁸ *МВед.* 1868. 6 марта. № 49. С. 1.

ятную барыню и барыню приятную во всех отношениях. Громом рукоплесканий было покрыто чтение из „Войны и мира“ — князем Кугушевым». ⁴⁹

В периодике того времени удалось найти лишь одно свидетельство очевидца: оно принадлежит театральному рецензенту Петру Гавриловичу Акилову, публикации которого регулярно появлялись в 1867—1870 годах на страницах московского еженедельника «Развлечение». В номере от 23 марта 1868 года, в очередном своем обзоре «Московский наблюдатель», он в числе прочих сюжетов дает описание благотворительного вечера в зале Артистического кружка. Вначале автор выражает недоумение по случаю загадочности афиши, где часть участников обозначена не фамилиями, а «туманными иероглифами»: «Что за таинственность такая? Какие еще новые трусливые дебютанты появились на сценическом поприще и, не боясь показаться лицом к публике, робеют открыть свои настоящие имена? — Подстрекнутый такими аллегориями, я поспешил заблаговременно запасть билетом на этот вечер и прежде всех забрался в залу, нетерпеливо ожидая увидеть таинственных участников этого вечера. Но кто вообразит!.. Какими словами сам смогу передать мое радостное удивление!.. когда в этих таинственных незнакомцах глаза мои ясно увидели давно знакомых мне и вам, почтенные читатели, заслуженных артистов гг. Демидова, ⁵⁰ Садовского и г-жу Васильеву. Сюрприз был неожиданный и своею неожиданностью доставил тем еще большую приятность всем собравшимся на этот литературно-музыкальный вечер». ⁵¹

Затем следует собственно описание представления: «При всем моем желании сказать что-нибудь об исполнении фортепианного соло *замечательною* пьянисткою-любительницею, какою по справедливости считается г-жа Устинова, — я лишен всякой к тому возможности, по той простой причине, что рояль, на котором пришлось упражняться г-же Устиновой, щеголял самыми отрицательными достоинствами. Вместо фортепианных звуков он порой издавал звуки, приличествовавшие разве только гусям. Понятно теперь вам, читатели, какое впечатление должна была произвести на слушателей игра г-жи Устиновой

⁴⁹ МВ. Ч. 2. С. 172.

⁵⁰ Демидов Степан Васильевич (1822—1876), певец (бас-профундо), в 1863—1875 гг. солист Большого театра. Обладал могучим, ровным голосом красивого «бархатного» тембра и обширного диапазона; в особенности славился исполнением народных песен и русских романсов.

⁵¹ Н. Ф—в <Акилов П. Г.>. Московский наблюдатель // Развлечение. 1868. 23 марта. № 12. С. 191. Авторство Акилова устанавливается по следующему изданию: Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1958. Т. 3. С. 196.

П. М. Садовский. Фотография ателье «Русская фотография».
Москва, 1860-е гг.

на таком негармоническом рояле. Но этим злосчастным инструментом не ограничились невзгоды описываемого вечера. Князю Кугушеву не посчастливилось выбрать особенно удачную главу из художественного произведения гр. Толстого. В выбранной им главе говорилось о движениях войск, о печальных следствиях войны и о других ее подробностях, описание которых составляют художественные достоинства в целом романе; но в отрывочной, бессвязной передаче оных кн. Кугушевым не ощущалось никакой решительно занимательности. Поэтические „Гер-

Князь Г. В. Кугушев

ман и Доротея“ при однообразном, монотонном и весьма невыразительном чтении г-на Фета настроили всю почтеннейшую публику на самый прозаический тон, который мог весьма невыгодно повлиять на всех, если бы вовремя не подоспел на выручку наш талантливый комик г. Садовский. Он с особенным оживлением и свойственным ему комизмом прочел из 2-й части „Мертвых душ“ ту главу, в которой описывается приезд Чичикова к генералу Бетрищеву. Когда же дошел он до сцены умывания генерала и его смеха при заявлении Чичиковым просьбы об уступке ему мертвых душ, веселость до такой степени овла-

дела нашим любимцем, что он сам не мог выдержать и разразился самым искренним, непринужденным смехом, который заразительно повлиял на слушателей. Все смеялись и хохотали от души. Таким образом этот вечер окончился при самых благоприятных условиях».⁵²

Последнее из объявлений Фета вышло 10 марта, вот его текст:

ЗАЯВЛЕНИЕ

На бывшем 7-го марта литературно-музыкальном вечере в пользу нуждающихся Мценского уезда 3-го участка поступило пожертвованных от А. С. Каминского⁵³ 6 руб.; неизвестных 77 руб.; К. С. Мазурина⁵⁴ 50 руб.; Н. С. Мазурина⁵⁵ 100 руб., М. С. Мазурина⁵⁶ 100 руб.; К. Т. Солдатенкова⁵⁷ 100 руб., от неизвестного 25 руб.; А. С. Мазурина⁵⁸ 25 руб.;

⁵² *Н. Ф—в* <Акилов П. Г.>. Московский наблюдатель. С. 191.

⁵³ *Каминский* Александр Степанович (1829—1897), семейный архитектор Третьяковых (был женат на их сестре Софье Михайловне), один из наиболее плодотворных мастеров поздней эклектики 1860—1880-х гг. В 1867 г. по его проекту был перестроен дом Д. П. Боткина на Покровке.

⁵⁴ *Мазурин* Константин Сергеевич (1845 — после 1893), брат С. С. Боткиной. Входил в правление Товарищества Реутовской мануфактуры. «У него было замечательное собрание древних греческих ваз, старинной итальянской майолики, русских старинных, преимущественно церковных вещей и других предметов» (*Шукин П. И.* Воспоминания. М., 1997. С. 173).

⁵⁵ *Мазурин* Николай Сергеевич (1841—1888), брат С. С. Боткиной. Входил в правление Товарищества Реутовской мануфактуры.

⁵⁶ *Мазурин* Митрофан Сергеевич (1834—1880), брат С. С. Боткиной, старший из братьев Мазуриных. В 1861 г. совместно с семьей купца Г. С. Герасимова учредил Товарищество Реутовской мануфактуры с капиталом в 1 миллион 350 тысяч рублей серебром, распределенным на 450 акций. Обладая наибольшим пакетом акций, Мазурин вошел в совет директоров Товарищества и практически до самой смерти оставался вместе с Герасимовым хозяином фабрики. М. С. Мазурин был предприимчив, обладал талантом организатора, что обусловило расцвет Реутовской мануфактуры. Однако подлинной его страстью были лошади. По свидетельству современника, кабинет его был «установлен более чем сотнею кубков, выигранных спортсменом-хозяином не только на всех русских ипподромах, но и лошадей его завода (рыжая кобыла Краса) на международном венском бегу во время Всемирной выставки» (*Сергеев Е. К.* 1) Реутов: Летопись в лицах, документах и фотографиях. 1573—2005 гг. М., 2005. С. 31—32; 2) Реутов от хутора до града (исторический очерк). М., 1997. С. 28—29).

⁵⁷ *Солдатенков* Козьма Терентьевич (1818—1901), купец-миллионер, наживший состояние на торговле хлопчатобумажной пряжей, издатель, коллекционер, один из крупнейших благотворителей. Близкий знакомый Боткиных. В 1863 г. издал двухтомное собрание стихотворений Фета.

⁵⁸ *Мазурин* Алексей Сергеевич (1846 — около 1920), младший из братьев Мазуриных. С 1869 г. — член правления Товарищества Реутовской мануфактуры. С 1870-х гг. начал заниматься художественной фотографией и первый из русских

А. Н. Голяшкина 500 руб.; от находящихся у него в услужении 24 руб.;
С. Н. Голяшкина 300 руб.; от находящихся у него в услужении 22 руб.;
И. П. Боткина⁵⁹ 3 руб.; А. Г. Федосеева 25 руб.

А. Фет.⁶⁰

Благотворительный вечер принес 1357 рублей, общая же сумма всех пожертвований превысила две тысячи. Такой успех оказался возможным благодаря родственным и дружеским связям Фета в среде высшего купечества: практически все жертвователи — представители известных купеческих фамилий, в списках много близких родственников М. П. Фет (Боткины, Мазурины, Шукин и другие).

В списке, опубликованном 10 марта, выделяются Александр Николаевич и Сергей Николаевич Голяшкины, обеспечившие более половины всего сбора от вечера. Явление братьев Голяшкиных настолько поразило Фета, что он в своих мемуарах довел полученную от них сумму до еще больших размеров: «В назначенный вечер я сам встал за прилавком. Но публика подходила как-то вяло. <...> Но вот подходит брюнет среднего роста и протягивает ко мне пачку ассигнаций со словами: „Пожалуйста мне билет“. — „Сколько прикажете сдачи?“ — „Никакой. Здесь 500 рублей и я прошу дать мне билет. А вот еще 500 руб. от брата моего. Наша фамилия — Голяшкины. Потрудитесь дать нам третий билет: это триста рублей от наших служащих“».⁶¹

Голяшкины были сыновьями потомственного почетного гражданина, купца первой гильдии Н. Я. Голяшкина (1792—1867), разбогатевшего на откупах. Старший из них, Александр (1824—1880), в 1848 году закончил юридический факультет Московского университета (кстати сказать, он учился на одном курсе с приятелем Фета Иваном Петровичем Новосильцовым),⁶² служил по гражданскому ведомству, был, в частности, в 1850—1858 годах чиновником особых поручений при начальнике Воронежской губернии; по награждении в 1859 году орденом св. Владимира 4-й степени получил потомственное дворянство.⁶³ Ор-

фотографов достиг европейской известности. См. о нем подробнее: *Лаурентьева А. Н.* Мазурин А. С. // Большая Российская энциклопедия. М., 2005. Т. 18. С. 450—451; Фотограф Алексей Мазурин / Сост. и авторы текстов А. Логинов, П. Хорошилов. М., 2005.

⁵⁹ *Боткин* Иван Петрович (1819—1878), брат М. П. Фет.

⁶⁰ *МВед.* 1868. 10 марта. № 53. С. 3.

⁶¹ *МВ.* Ч. 2. С. 171—172.

⁶² См.: Речи и отчет, произнесенные на торжественном собрании имп. Московского университета 25 сентября 1848 года. М., 1848. С. 20—21.

⁶³ Дело о дворянстве рода Голяшкина // *РГИА.* Ф. 1343. Оп. 19. № 488. Л. 4—12. Написание «Голяшкин» употреблялось наряду с «Голяшкин» как в документах, так и в адрес-календарях.

ден этот, согласно формулярному списку Голяшкина, был пожалован ему «в награду успешных действий и благоразумной распорядительности, оказанных им <...> при открытии и поимке 18 преступников, производивших грабежи и убийства в Воронежской губернии и сопредельных с нею местах, причем он подвергал жизнь свою опасности».⁶⁴ Затем Голяшкин состоял при московском военном генерал-губернаторе, будучи с 1862 года также почетным директором Верейских богоугодных заведений. В 1873 году он вышел в отставку с чином статского советника.⁶⁵ Был дважды женат, вторым браком — на Елене Карловне Шлиппе (1837—1912), дочери ученого-химика, владельца химического завода.⁶⁶ О предпринимательской деятельности Голяшкина сведений сохранилось немного: он был одним из учредителей основанного в 1870 году Волжско-Камского акционерного банка, до начала XX века — крупнейшего коммерческого банка в России.⁶⁷ Видимо, главным увлечением Голяшкина было животноводство. В своем подмосковном имении Жучки, приобретенном после отмены крепостного права,⁶⁸ он разводил арденских тягловых лошадей, рогатый скот, свиней и домашнюю птицу иностранных пород. В 1870 году выступил инициатором создания Московского общества улучшения скотоводства в России⁶⁹ и до конца жизни оставался его бессменным вице-президентом, в значительной степени финансируя его деятельность. На пожертвования Голяшкина Обществом издавалась специальная литература и проводились практические мероприятия, например, московские молочные

⁶⁴ Там же. Л. 5 об.—7.

⁶⁵ Там же. Л. 34—35 об.

⁶⁶ Родословная книга дворянства Московской губернии / Под ред. Л. М. Савелова. М., <1914>. Т. 1. С. 315. О тесте Голяшкина, К. И. Шлиппе (1798—1867), см.: *Фон-Шлиппе Ю. Б.* Воспоминания Ф. В. Шлиппе и Н. А. Мельникова // Российский архив. М., 2008. Т. 17. С. 16—17.

⁶⁷ *Барышников М. Н.* Деловой мир России. СПб., 1998. С. 97.

⁶⁸ Жучки находились в Дмитровском уезде Московской губернии, в пяти верстах от железнодорожной станции Хотьково. Философ князь Е. Н. Трубецкой, родившийся в усадьбе Ахтырка, по соседству с Голяшкиным, вспоминая свое детство, писал: «По пути со станции Хотьково дедушку раздражало другое также новое удобство, — шоссе, по которому приходилось ехать почти до самой Ахтырки вместо прежней отвратительной допотопной дороги. Не самое шоссе как такое его раздражало, а тот факт, что оно было построено богатым коммерсантом, А. Н. Голяшкиным — сыном разбогатевшего откупщика: он купил в версте от Ахтырки бывшую дворянскую усадьбу Жучки и провел туда шоссе, которое оказалось нам по дороге. „Как, — говорил дедушка, — я должен ехать в *свое* имение по шоссе, построенному каким-то Голяшкой?“ — и все-таки ехал» (*Трубецкой Е., кн.* Из прошлого. М., 1917. С. 14).

⁶⁹ См.: Отчет Московского общества улучшения скотоводства в России за 1872 год. С. 1—2.

выставки. Исключительно на средства Голяшкина выходила газета «Скотоводство» (1878—1880).⁷⁰

Александр Николаевич проявлял интерес и к живописи, в числе первых вступил в московское Общество любителей художеств.⁷¹ В 1870-е годы благодаря Голяшкину был реализован интересный проект. Семеро художников: И. Н. Крамской, И. М. Прянишников, К. Е. Маковский, В. Е. Маковский, братья Чичаговы и К. А. Трутовский создали цикл иллюстраций к «Вечерам на хуторе близ Диканьки». Выполненные в технике цветной литографии, иллюстрации эти вышли в 1874 и в 1876 годах в виде альбомов крупного формата, финансировал издание А. Н. Голяшкин. На титульном листе каждого альбома имеется посвящение наследнику-цесаревичу, великому князю Александру Александровичу. К сожалению, проект остался незавершенным: вместо восьми выпусков (по количеству повестей Гоголя) вышло только четыре.⁷²

Почему-то кажется, что именно старший Голяшкин покупал у Фета билеты на благотворительный вечер, хотя это недоказуемо. Скажем несколько слов и о младшем — Сергее Николаевиче Голяшкине (1829—1903). Он также с 1860-х годов состоял в Обществе любителей художеств, а известен был как коллекционер произведений живописи. На выставке его собрания, состоявшейся после его смерти, было представлено 45 полотен кисти В. М. Васнецова, В. Е. Маковского, Ю. Ю. Клевера, В. Д. Орловского, И. М. Прянишникова, И. И. Шишкина и других.⁷³

Фет вернулся домой 14 марта, заехав по дороге в Мценск на очередной мировой съезд. Мария Петровна так описала брату Василию Петровичу возвращение мужа: «У нас здесь в округе пропасть больных вследствие дурной пищи и голода. Пока Фет был в Москве, Боже, сколько к нам приезжало несчастных мужиков за помощью. Фет приехал домой вечером, а утром уже все узнали о его приезде. Я не верила своим глазам, когда Фет мне дал такую толстую пачку денег для этих несчастных. И теперь наш участок будет с хлебом. От казны на наш участок, кажется, 1000 р. с<еребром>, да у Фета почти 2000 р. с<еребром>».⁷⁴

⁷⁰ А. Н. Голяшкин (некролог) // Скотоводство. 1880. Июль. № 14. С. 1.

⁷¹ В 1877—1880 гг. А. Н. Голяшкин избирался в состав комитета Общества.

⁷² См.: *Гоголь Н. В.* Вечера на хуторе близ Диканьки: Повести / Подгот. текста, примеч. и статья Е. О. Ларионовой. СПб., 2004. С. 425—426.

⁷³ См.: Сорок третий отчет комитета состоящего под августейшим покровительством ее императорского величества государыни императрицы Марии Федоровны Московского общества любителей художеств за 1903 год. М., 1904. С. 17—18.

⁷⁴ Письмо от 16 марта 1868 г.: *РГБ*. Ф. 258. К. 1. № 68. Л. 42 об.—43.

21 мая 1868 года орловский губернатор М. Н. Лонгинов обратился к министру внутренних дел А. Е. Тимашеву с отношением, в котором говорилось: «Мировой судья 3 участка Мценского уезда Фет уведомил меня, что на литературном чтении в марте месяце сего года собрано им 1900 р. в пользу нуждающихся 3 участка Мценского уезда по случаю неурожая, и собранные деньги розданы им сполна заимообразно на один год. Желая предоставить этот капитал в вечную собственность 3 участка Мценского уезда и составив устав для этого капитала, судья просит моего ходатайства об утверждении означенного устава».⁷⁵

«Устав о вспомогательном капитале», приложенный к отношению Лонгинова, в Хозяйственном департаменте Министерства внутренних дел был переименован в «Правила» и поступил на подпись к Тимашеву, который утвердил его 5 июня.⁷⁶ Согласно принятым «Правилам», ссуды могли выдаваться на один год под процент не свыше банковского; если же заемщик не уплачивал долга в срок, то всю сумму должно было в течение трех лет внести поручившееся за него общество. Фет рассчитывал, что таким образом 3-й участок будет застрахован от голода в случае нового неурожая, однако жизнь внесла в его планы свои коррективы. Возвращение занятых денег шло трудно. «Как я ни бился, я так-таки и не добрал более 300 руб. основного капитала <...>», — вспоминал Фет.⁷⁷ Это побудило мирового судью вновь обратиться к министру внутренних дел. В докладной записке, представленной им министру в октябре 1872 года, содержится просьба о разрешении обратиться вспомогательный капитал на постройку и устройство больницы для излечения от сифилиса ввиду чрезвычайной распространенности этой болезни в уезде.⁷⁸

Поход Фета против сифилиса,⁷⁹ которому посвящены три его статьи в «Московских ведомостях» за 1870 и 1872 годы,⁸⁰ заслуживает от-

⁷⁵ РГИА. Ф. 1287. Оп. 4. № 501. Л. 1—1 об.

⁷⁶ Там же. Л. 2—6 об. «Правила о вспомогательном капитале» были опубликованы в следующих изданиях: 1) *Орл губ вед.* 1868. 29 июня. № 26. С. 248; 2) Северная почта. 1868. 3 августа. № 167. С. 665—666. См. также: *Фет А. А. Наши корни: Публицистика / Подгот. текстов и сост. Г. Д. Аслановой.* СПб.; М., 2013. С. 400—402.

⁷⁷ *МВ.* Ч. 2. С. 250.

⁷⁸ РГИА. Ф. 1287. Оп. 4. № 501. Л. 7—8 об. См. также: *Фет А. А. Наши корни: Публицистика.* С. 405—408.

⁷⁹ 29 марта 1872 г. И. С. Тургенев писал Фету: «А за поход Ваш по поводу сифилиса нельзя Вас не похвалить <...>» (*Тургенев. Письма.* Т. 11. С. 237).

⁸⁰ «Из Мценского уезда» (1870. 11 декабря. № 267. С. 4), «Письмо к издателям „Московских ведомостей“» (1872. 23 марта. № 74. С. 4) и «Письмо к издателям» (1872. 20 апреля. № 96. С. 4). См. также: *Фет А. А. Наши корни: Публицистика.* С. 57—64.

дельного рассмотрения. Здесь же достаточно сказать, что Фет объявил сбор средств на устройство сельской больницы, который не остался без отклика: сумма частных пожертвований, поступивших на его счет вместе с присоединенным вспомогательным капиталом, составила в итоге 3000 рублей. 11 сентября 1876 года Мценское уездное земское собрание вынесло решение принять собранный А. А. Шеншиным капитал, поручив управе строительство земской больницы на 10 кроватей. Десятину земли под будущую лечебницу «на берегу речки Должанки в селе Долгом» безвозмездно выделил сосед и близкий знакомый Фета Михаил Михайлович Хрущов.⁸¹ В результате больница была построена и просуществовала без малого сто лет.

---

⁸¹ См.: Журналы 11-го очередного Мценского уездного земского собрания 1876 г. (9–11 сентября). Мценск, 1877. С 14–15; *МВ*. Ч. 2. С. 251.